

Бородино

(из цикла 80-е)

Нитью времени можно назвать память человека, которая тянется от его рождения и до самого его смертного часа. Но нити не прерываются. Человек встречает на своем пути других людей, и во время встречи завязывается узелок, от которого тянутся уже несколько ниточек. Такая паутина уже не память одного человека, а память рода, память нации, память человечества. В этом году отмечается двухсотлетие Бородинской битвы, и я вспомнил один случай, который соединил меня с первой мировой войной, Михаилом Юрьевичем Лермонтовым и Отечественной войной 1812 года.

Было это в восьмидесятые годы – время надежд и ожиданий. Для меня, родившегося в 1957 году, восьмидесятые совпали с моим личностным становлением, формированием моих взглядов и предпочтений. И все, что я позднее прочитал и услышал о тех годах, перемешивается для меня в кисло-сладкий коктейль с моими личными переживаниями, не позволяющими однозначно судить о том периоде.

Мое отношение к масштабу времени сейчас изменилось. Как ни странно, но пятидесятые и сороковые годы и даже начало двадцатого века уже не кажутся мне столь далекими. А лет тридцать назад все двадцатое столетие до даты моего рождения представлялось мне не менее отдаленным, чем век девятнадцатый! Наверное, это свойство молодости жить будущим, отбрасывая до поры до времени прошлое.

Году в 1981 завела меня судьба в маленький оренбургский степной поселок «***к», у самой границы с Казахстаном. У меня, выросшего среди лесов, степь вызывает чувство беспокойства и даже враждебности. Просторы без конца, пожелтевшие вызывающие жалость

лесополосы по краям полей, телеграфные столбы, да птицы, кружившие в чуть голубоватом почти белом сле-
пящем небе – вот и все, что вынесла память о карти-
нах природы тех мест. Улицы поселка, состоящие в ос-
новном из беленых мазанок, были прямыми, как струны,
выходя обоими концами в бескрайнее степное простран-
ство. Мне не раз пришлось гостить в одном из таких
аккуратных домиков, окруженном яблоневым садом, у
добрых и радушных хозяев.

Хозяин домика в то время крепкий мужчина, воевавший
под Ленинградом, вышедший на пенсию по инвалидности
и отдававший все свое время хозяйству, любил поси-
деть в хорошей компании, поговорить, что называется
«за жизнь», вспомнить старые времена. На одном из
таких застолий и произошло то событие, на первый
взгляд вполне заурядное, но произведшее на меня та-
кое сильное впечатление, что я, будучи всего двадца-
ти четырех лет отроду, с этого момента начал пере-
осмысливать окружающую действительность и свое место
в мире.

У хозяина дома был отец, жил он поблизости – оба
двора соприкасались огородами, и через калитку можно
было пройти из одного в другой. Отцу было уже под
девяносто, ходил он с палочкой, всегда в пиджаке и
сапогах, даже в самую сильную жару, носил седую
окладистую бороду. Дед Петр, так звали отца, был за-
думчив и, как бы это сказать, начал уходить в тот
мир, где припасено место для нас всех. Нет, здоровье
еще было, но сам его вид, разговор, его устремлен-
ность куда-то вглубь себя, или куда-то в иное, не
понимаемое окружающими пространство, как-бы говорило
им: я уже приготовился, вот немного еще потопчу
землю и в дорогу.

Не помню, что мы тогда отмечали, а может, просто
приехал кто-то из родственников и по вековой тради-
ции собрали стол. Хозяйка дома хорошо пела. Пела

так, как сейчас уже нигде не поют. В то время застольное пение было важной частью гуляний. Слова песен переписывали друг у друга. Пели разное, народные русские, украинские, советские песни. Важна была красота мелодии и текст. Мелодии следовало быть протяжной, а стихам обязательно печальным. Почему грустные песни пели во время праздника? Не знаю. Может быть, очень важно даже в минуты безудержного веселья помнить, что все это не может продолжаться долго и обязательно закончится. Веками понимание этой великой истины заставляло человека снова и снова всматриваться в свою жизнь, пытаться сквозь толщу лет и мозаику событий разглядеть смысл своего существования.

Помню, пели украинскую песню «Стоит гора высокая», которую я не могу слушать без слез.

...

*Журюсь и я над ричкою,
Бижить вона, шумыть,
А в мэне биднэ сердэнько
И млие, и болыть.*

*Болыть воно та журыться,
Шо вэрнетсья весна,
А молодисть не вэрнетсья,
Не вэрнетсья вона!*

Вот так сидели, говорили о жизни – о детях, об очередях на квартиры, о ценах на водку, о событиях в Польше, о видах на урожай, о том, что «не дай бог война». Пили водку, пели. В самый разгар веселья появился дед Петр.

– Сидайте, отец, – хозяин обращался к отцу на ВY и разговаривал с ним на том украинском наречии, которое принято называть суржиком.

Поздоровавшись со всеми, дед сел на поставленный для него стул и опершись на палочку задумался. Странно было видеть среди разгоряченных застольем веселых лиц, бородатого старика, смотрящего куда-то сквозь тебя, сквозь стены в только ему понятные дали. Деду наполнили рюмку, пододвинули тарелку. Выпив половину налитого, дед опять задумался, но вдруг, встрепенулся и, не обращая ни на кого внимание, словно был один в целом мире, запел. Наверное, от выпитой водки я не сразу смог разобрать слова песни.

Я поначалу даже и не понял, что это за песня такая, во всяком случае, мелодия была мне незнакома, а слова до меня, разгоряченного угощением, дошли не сразу. Но что это

...

*Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!*

Я прислушался

*Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»*

Я обомлел. Алкоголь вылетел из моей головы мгновенно. Малограмотный старик пел «Бородино» Лермонтова, на совершенно незнакомый мне мотив. Пел ладно, хотя и несколько надтреснутым голосом со старческим придыханием. Боже, в этой выжженной оренбургской степи, в этом забытом богом поселке, какой-то старик поет Лермонтова.

А почитай девяностолетний дед все продолжал петь:

Забил заряд я в пушку туго

*И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!*

Окружающие перестали разговаривать и, хотя, возможно не столь удивленно, как я, слушали. В растерянности я вертел в руках пустую рюмку.

Дед спел все до конца и снова задумался, опершись правой рукой на палку.

- Ижте, дидо - обратилась хозяйка дома по-украински к старику.

- Спасибо, я вже поив - дед наклонил бородатую голову, словно к чему-то прислушался. Затем, тяжело встал, опираясь на палку, и заковылял к выходу.

- Отец воевал в германскую», - прервал молчание хозяин дома, - в 1916-м матери пришло письмо, что он пропал без вести, но он вернулся в восемнадцатом. В гражданскую воевать не пошел, а в отечественную уже года вышли.

- Это у них в полку строевая была, - добавил он, имея в виду исполненную песню.

Через день я уезжал из поселка. Скорый поезд Алмата-Москва шел резво, не останавливался на малых станциях, и словно уносил меня в другое время.

Пирогов В.Ю. ©

2012, июнь

Шадринск

<http://asm.shadrinsk.net>